

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Курганский государственный университет

Институт истории и археологии УрО РАН

Российское историческое общество

Курганская областная общественная организация

«Зауральское общество друзей истории, археологии и культуры (ЗОДИАК)»

XXII УРАЛЬСКОЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ СОВЕЩАНИЕ

Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной
300-летию первых археологических раскопок в Сибири и
85-летию со дня рождения Тамилы Михайловны Потемкиной

Курган, 21–25 ноября 2022 года

Курган 2022

УДК 902(470.5)(063)
ББК 63.48(235.55)я431
Д 22

XXII Уральское археологическое совещание : материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 300-летию первых археологических раскопок в Сибири и 85-летию со дня рождения Тамилы Михайловны Потемкиной (Курган, 21–25 ноября 2022 г.) / отв. ред. Д. Н. Маслюженко. – Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2022. – 344 с.

Печатается по решению научно-технического совета Курганского государственного университета.

Рецензенты:

Андрей Владимирович Епимахов, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры отечественной и зарубежной истории, главный научный сотрудник, заместитель директора по научной работе Института медиа и социально-гуманитарных наук ЮУрГУ (г. Челябинск);

Наталья Александровна Берсенева, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Южно-Уральского археологического центра Института истории и археологии УрО РАН (г. Челябинск).

Настоящее издание представляет собой сборник докладов участников Всероссийской научной конференции «XXII Уральское археологическое совещание».

В сборник включены доклады по проблемам истории археологического изучения Большого Урала, вопросам изучения археологических памятников различных эпох от каменного века до нового времени, а также применению методов междисциплинарных исследований в археологии.

Книга предназначена для археологов, историков, этнографов, культурологов и всех интересующихся древней историей Большого Урала.

Оргкомитет: канд. ист. наук Д. Н. Маслюженко (г. Курган, председатель), д-р ист. наук В. С. Мосин (г. Челябинск, сопредседатель), д-р ист. наук Н. М. Чаиркина (г. Екатеринбург), канд. пед. наук Н. В. Дубив (г. Курган), канд. ист. наук С. А. Перевозчикова (г. Ижевск).

При поддержке фонда «История Отечества».

В оформлении обложки использованы фотографии, сделанные в ходе археологических экспедиций Курганского государственного педагогического института и Курганского государственного университета под руководством Т. М. Потемкиной, М. П. Вохменцева, С. Н. Шилова и И. К. Новикова, из архива археологической лаборатории КГУ и личного архива Д. Н. Маслюженко и Е. А. Рябиной.

ISBN 978-5-4217-0626-7

© Курганский
государственный
университет, 2022
© Авторы, 2022

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА НАСЕЛЕНИЯ ШИПОВСКОГО ГРУНТОВОГО МОГИЛЬНИКА. ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ

А. С. Проценко
ГБУ РИКМЗ «Древняя Уфа»,
г. Уфа, Россия

Аннотация. Исследование посвящено анализу материалов Шиповского могильника кара-абызской археологической культуры. В основу работы легли материалы 128 погребений, исследованные А. Х. Пшеничнюком в 1960–1970-е гг. Для выяснения социальной структуры населения могильника погребения были распределены на три категории («богатые», «рядовые», «бедные») по количественно-качественному составу предметов.

Ключевые слова: р. Белая, Южное Приуралье, кара-абызская культура.

Шиповский комплекс памятников, в который входят городище и курганно-грунтовый некрополь, расположен в 25 км юго-восточнее г. Уфа, на правом высоком и обрывистом берегу р. Белая, на окраине д. Шипово Иглинского района Республики Башкортостан. В ходе многолетних археологических исследований башкирских археологов было установлено, что могильник функционировал в период с IV в до н. э. по IV в. н. э. [6; 10 и др.]. Шиповский некрополь, является одним из наиболее изученных могильников кара-абызской археологической культуры, материалы которого наиболее полно введены в научный оборот.

Данная работа продолжает публикацию наработок автора по проблемам социальной структуры кара-абызского населения [8; 9 и др.]. Отметим, что по многим аспектам социальной организации разных археологических культур и эпох на данный момент мы имеем представление [1; 4; 5 и др.], в том числе и по южно-уральским [2; 3].

В исследовании использованы 128 грунтовых погребений (из раскопов I, III, IV, V, VII, VIII), изученных А. Х. Пшеничнюком [10, с. 85–107; 6, с. 12–14], которые датируются I–III вв. н. э. [10, с. 36].

Погребальный обряд характеризуется следующими признаками: большинство захоронений являются индивидуальными, в простых могильных ямах вытянутой формы. В одном случае (погр. 59) узкая западная стенка могилы обложена у дна камнями. Длина могил с взрослыми костяками составляет 180–210 см, ширина – 65–80 см. Костяки лежат на спине с вытянутыми конечностями. В нескольких (погр. 2 и 58) встречены отклонения в положении рук и ног: ноги сдвинуты влево, правая нога согнута в колене (погр. 96 и 109), руки раздвинуты в локтях (погр. 47, 48, 111); правая или левая рука согнута в локте (погр. 58 и 85); левая рука отброшена в сторону (погр. 33). В 12 погребениях прослежены остатки коры в местах скопления бронзовых предметов, что, по мнению А. Х. Пшеничнюка, свидетельствует о завертывании покойника в лубок.

Исследователями отмечено, что большинство костяков не сохранилось в виду особенностей грунта, поэтому часто положение умершего и его ориентировка определялась по отдельным сохранившимся костям (чаще всего костям черепа и зубам) или по расположению вещей. Наибольшая часть костяков в определяемых погребениях ориентирована на запад и на запад-юго-запад. В остальные стороны света ориентировано единичное количество погребений [10, с. 57–58; 6, с. 57].

Предыдущие исследования по кара-абызским некрополям позволяют говорить, что для мужских погребений (38 захоронений / 30 %) характерно наличие предметов вооружения (меч, наконечник копья, наконечники стрел), для женских (33 захоронения / 26 %) – предметов костюмного комплекса (бусы, зооморфные накладки, бронзовые пронизки, перстни, трапециевидные подвески, дисковидные бляхи и др.). Железный нож является универсальным предметом и встречается в большинстве погребений обоих полов. Маркирующим признаком для женских захоронений является пряслице. Группа безынвентарных погребений составляет 12 % (15 захоронений).

Для выяснения социальной структуры населения могильника погребения были распределены на три категории («богатые», «рядовые», «бедные») по количественно-качественному составу предметов (*развернутая характеристика выделенных групп погребений и планиграфический анализ, будут даны в отдельной публикации*). Данный способ позволяет проанализировать внутренние связи вещей в комплексах погребений и попытаться в определенной степени отразить через предметный мир социальные группы населения, а также определить возможные роли мужчин и женщин в обществе [4, с. 110]. Отметим, что категории («очень богатые» и «беднейшие»), которые нами были выделены на Биктимировском могильнике [8, с. 851], в данном исследовании мы не используем по причине относительной бедности Шиповского могильника, которую отмечал еще А. Х. Пшеничнюк, при сравнении его с синхронными памятниками кара-абызской и пьяноборской культуры [10, с. 61; 11, с. 97].

Детские погребения в погребальном обряде демонстрируют общую ритуальную традицию. Детские погребения представлены 30 захоронениями (23 %). Ориентировка в большинстве погребений, где она установлена, западная с небольшим отклонением к югу (19 погр.), вдоль берега реки, единичны погребения с северо-западной и восточной ориентировкой. Без сопроводительного инвентаря были захоронены 8 могил. Вещевой инвентарь не слишком разнообразен. Детские погребения сопровождали 1–3 категории инвентаря (бронзовые бляшки, бляшки с ушком на обороте, браслет, обоймы, костяная лопаточка, единичные костяные наконечники стрел). Особняком стоят два погребения, которые выделяются богатством сопроводительного инвентаря.

Раскоп VII, погр. 77: дисковидная бляха, 5 накладок с изображением голов лошадей, 2 трапециевидные подвески, 14 обоймочек, бронзовая пряжка с длинным щитком. Раскоп VII, погр. 80: бронзовая плоская бляш-

ка с отверстием в центре, 2 стеклянных зонных бусины, 2 обломка бронзовой спирали, 2 пронизки, 2 проводочных колечка, обломок ажурной пластины, проводочный бронзовый перстень, 3 конусовидные подвески, бронзовая обоймочка, 3 астрагала.

Таким образом, подтверждаются ранее полученные данные, что в кара-абызском обществе дети погребались в одной манере со взрослыми, но в сопровождении более скудного инвентаря. В то же время выделяется группа погребений, содержащая исключительный для лиц рассматриваемого возраста инвентарь, включавший «престижные» вещи. Вероятно, данная группа принадлежала к наиболее богатым семьям рода, чьи дети и были в ней погребены [7, с. 174–175].

Определить пол и возраст не удалось в 27 погребениях (21 %). В 7 случаях сопроводительный инвентарь отсутствовал, данные погребения можно отнести к «бедным». По одной категории находок зафиксировано в девяти погребениях: железный нож в четырех погребениях; в погр. 36 (бронзовая бляшка с ушком на обороте); погр. 82 (трапециевидная подвеска); погр. 95 (глиняная чашечка), погр. 111 (три обоймы), погр. 112 (бронзовая бляшка).

По два предмета содержалось в семи захоронениях: погр. 1 (железная пряжка и нож), погр. 20 (обломок бронзовой пряжки и обломок железа), погр. 29 (трапециевидная подвеска и накладка), погр. 94 (две бронзовых пряжки и железный нож), погр. 110 (железный нож и шесть бронзовых круглых бляшек), погр. 116 (железный нож, бронзовая бляшка), погр. 121 (железный нож и обломок кольца).

Три и более предмета содержали четыре захоронения: погр. 83 (два железных ножа, три бляшки с ушком на обороте, железная проколка), погр. 89 (бронзовые фигурные накладки, железная пряжка и нож, бронзовые бляшки, два костяных наконечников стрел), погр. 93 (дисковидная бляха, железный крючок и обломок ножа), погр. 96 (железный нож, костяная лопаточка, два костяных наконечника стрелы).

Категория «богатых» могил насчитывает пятнадцать погребений, из которых семь мужских и восемь женских. Статусные мужские погребения выделяются не качеством находящегося в них оружия, а наиболее полным набором вооружения (например: погр. 3, 26, 124). Женские погребения (например: погр. 8, 61, 105) в отношении инвентаря отличаются очень большим разнообразием по сравнению с мужскими, это касается как количества, так и «качества» погребального инвентаря. Данное обстоятельство объясняется в первую очередь особенностью костюмного комплекса, а именно набором пояса, как установлено исследователями: мужской пояс был намного проще и беднее женского.

В результате мы получаем следующие данные по выделенным категориям: «бедные» – 7 захоронений; «рядовые» – 76, «богатые» – 15. Выделенные группы погребений отражают структуру населения памятника, но поскольку выборка имеет ограничения и не охватывает весь массив погребений, заключения носят сугубо предварительный характер.

Библиографический список

- 1 Берсенева Н. А. Социальная археология: возраст, гендер и статус в погребениях саргатской культуры / Н. А. Берсенева. – Екатеринбург : УрО РАН, 2011. – 204 с.
- 2 Берсенева Н. А. Возрастная и гендерная дифференциация в обществах Южного Урала II тыс. до н. э. (по материалам погребальных памятников) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук / Н. А. Берсенева. – Екатеринбург, 2019. – 43 с.
- 3 Гильмитдинова А. Х. Кочевое население Южного Урала второй половины VI–IV вв. до н. э. (по данным археологии) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / А. Х. Гильмитдинова. – Москва, 2021. – 31 с.
- 4 Казанцева О. А. К вопросу о социальной структуре населения Кудашевского I могильника (по результатам гендерного анализа) / О. А. Казанцева // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». – 2014. – № 3. – С. 108–113.
- 5 Матвеева Н. П. Реконструкция социальной структуры древних обществ по археологическим данным : учеб. пособие / Н. П. Матвеева. – Тюмень : Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2007. – 206 с.
- 6 Овсянников В. В. Шиповский могильник в лесостепном Приуралье / В. В. Овсянников, Н. С. Савельев, И. М. Акбулатов [и др.]. – Уфа : Гилем, 2007. – 166 с.
- 7 Проценко А. С. Погребальный обряд детских погребений Шиповского могильника / А. С. Проценко, Н. А. Заикина // Мужской и женский мир в отражении археологии. – Уфа : ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2018. – С. 171–176.
- 8 Проценко А. С. К вопросу о социальной структуре населения Биктимировского могильника / А. С. Проценко // Oriental Studies. – 2019. – Т. 12. – № 5 (45). – С. 845–854.
- 9 Проценко А. С. Социальная структура кара-абызской культуры в IV–III вв. до н. э. (по материалам Уфимского могильника) / А. С. Проценко // Вестник гуманитарного образования. – 2022. – № 1 (25). – С. 117–122.
- 10 Пиеничнюк А. Х. Шиповский комплекс памятников / А. Х. Пиеничнюк // Древности Южного Урала. – Уфа : БФАН СССР, 1976. – С. 35–149.
- 11 Пиеничнюк А. Х. Некоторые вопросы общественного развития племен кара-абызской культуры / А. Х. Пиеничнюк // Материалы по хозяйству и общественному строю племен Южного Урала. – Уфа : БФАН СССР, 1980. – С. 91–100.